

САМЫЕ СТРАШНЫЕ ЗВЕРИ — ЯК И БОЛОНКА

Когда-то мы пошли с мамой в зоопарк, и на меня напал як. Он посмотрел мне в глаза, разогнался и бросился прямо на решётку своей клетки, за которой стояла я. С тех пор я боюсь яков.

В другой раз на даче за мной помчалась болонка Даниловых. Обыкновенно она просто лаяла, когда я с кем-то проходила мимо, но тут я была одна, и болонка, провернувшись под забор, выскочила на аллею и помчалась за мной. Она гналась за мной до самого моего дома. От страха я потеряла туфлю. С тех пор я боюсь болонок.

ПЛОХАЯ ОСАНКА

Бабушка всё время говорила мне: «Не сутулься!», — а я всё равно сутулилась. «Горб вырастет, — говорила бабушка, — будут тебя дразнить: Горбунова — горбатая!»

Потом бабушка отвела меня в детскую поликлинику на занятия лечебной физкультурой, на массаж и в бассейн. Массаж делала врач по лечебной физкультуре Валентина Николаевна. Я расположилась к ней и во время сеансов массажа рассказывала о своей жизни и своих мыслях. Не помню, чего уж я там такого нарасказывала, но после курса массажа Валентина Николаевна сказала бабушке, что меня нужно показать психиатру. Это было мне уроком, что взрослым нельзя доверять, какими бы милыми и добрыми они ни казались.

Однажды мы пришли в бассейн, а нас не пустили, сказали, что бассейн закрыт, потому что туда кто-то накакал. Я очень веселилась, а бабушка ругалась.

ПРОЗУМ И НЕСОСТОЯВШИЕСЯ ЖЕНИХИ

В дошкольном возрасте меня одно время водили в «Прозум» — что-то вроде частного детского сада или центра раннего развития. Там надо было проводить несколько часов вечером. Однажды мальчик Вова в «Прозуме» ударил меня в солнечное сплетение. А потом я заболела и считала, что это он виноват. Я лежала в кровати и ныла, а мама решила меня утешить и сказала: «Когда ты вырастешь, мальчик Вова захочет на тебе жениться, а ты ему откажешь!» — «Мама, мама, расскажи, как это будет!» — воодушевилась я. «Он будет ждать тебя у дома с цветами, а ты скажешь ему: “Вова, я не люблю тебя и не пойду за тебя замуж!”» — «Я скажу ему: “Помнишь, как ты меня ударил в солнечное сплетение? Я никогда-никогда-никогда не пойду за тебя замуж!”» — мстительно ликовала я. Вполне вероятно, что мальчик Вова ударил меня случайно, а может, и вовсе не бил, а я это себе вообразила.

В «Прозуме» был ещё мальчик Артур. Он был очень маленького роста, а я, наоборот, была очень большая для своего возраста, но Артур в меня горячо влюбился. Он, такой маленький, поднимал меня на руки и кружил и говорил: «Не бойся, я тебя от великанов спасу!» Я совсем не боялась великанов, да и сама была по сравнению с ним великаном, но мне всё равно было очень приятно, но и немножко смешно, что он такой маленький, а хочет спасти меня от великанов. Годы спустя великаны нашли меня, а мой маленький рыцарь, наверное, меня давно уже забыл. А я помню его с нежностью и печалью.

ПОД РУКУ С ДЕДУШКОЙ

Дедушка всегда ходил на работу в НИИ с чёрным плоским портфелем. Как-то раз я уговорила его взять меня с собой. Мы поехали с ним туда, за метро «Московская», в НИИ промышленной и морской медицины, где мой дедушка, физик-ядерщик, работал научным сотруд-

ником. Но я почему-то ничего не запомнила про эту поездку, хотя долго её ждала и мечтала о ней.

Как-то раз на даче, уже подростком, я отпросилась до какого-то часа и пошла к подружке. Когда я вышла от неё, чтобы пойти обратно домой, я увидела, что меня на аллее поджидает дедушка, хотя я ещё не опаздывала. Я страшно разозлилась, потому что подумала, что он меня контролирует и не доверяет одной вернуться домой. Я яростно зашипела на него, а дедушка взял меня под руку и сказал: «Я просто хотел пройти по аллее вместе с такой красивой девушкой, которой я горжусь». Я перестала сердиться, и мы под руку пошли домой.

В другой раз мы шли с дедушкой на сельский рынок. Все встречные прохожие улыбались, глядя на меня, и оборачивались нам вслед, мальчишки свистели. Дедушка не понимал, в чём дело. Потом он внимательно посмотрел на меня и увидел, что у меня кольцо в носу, как у свиньи.

О МИЛОСЕРДИИ БОЖЬЕМ

Однажды, когда я была совсем маленькая, дедушка приехал на дачу и рассказал, как на него чуть не напали. Он поехал на Галерную улицу, где раньше жила моя семья, и зашёл в их старый дом, а там в подъезде сидели какие-то нехорошие ребята, они угрожающе обступили его, а потом их главный пристально посмотрел ему в глаза и сказал остальным: «Отпустите папашу». Я почувствовала возмущение и страх, что какие-то нехорошие люди могли навредить моему дедушке. Мне казалось, что сама мысль о том, чтобы навредить лучшему из людей — моему дедушке, — это святотатство. Но я вдруг поняла, что мир устроен так, что тех, кого ты любишь, самых лучших, самых добрых, самых дорогих, могут просто так без всяких причин убить на улице. А милосердие Бога — это когда главный бандюган смотрит тебе в глаза и говорит: ладно, иди, живи пока.

ЗА КОЛОННОЙ

Когда мне было двенадцать лет, мне впервые посвятили стихи. Произошло это так: у мамы в то время был бойфренд из Америки по имени Боб, и мы втроём гуляли по Невскому. Около Гостиного двора тусовались уличные художники и зазывали прохожих, чтобы сделать с них портреты. Боб предложил нам с мамой, чтобы нас нарисовали. Маму сразу обступила куча художников, а меня стали рисовать только двое. «Почему меня рисуют только двое, а маму — целая толпа?» — спросила я у художника, который, взяв мольберт и складной стульчик, тоже пытался протиснуться к моей маме. «Она красивее», — объяснил он мне.

Художники рисовали с меня что-то в стиле Гойи. Я сидела с печальным томным видом, но Боб сказал мне: «Улыбайся!» — «Не хочу, — ответила я, — почему я должна улыбаться? Это вы, американцы, всё время улыбаетесь, а мы, русские, — не такие». — «Потому что

я плачú! — сказал Боб. — I рау!» После столь неопровержимого аргумента, укрепившего мои представления об американцах, я изобразила на лице что-то подобное улыбке Моны Лизы, сквозь которую проглядывал волчий оскал.

Пока художники рисовали меня, я увидела странную фигуру, прячущуюся за колонной. Это был немолодой лысеющий мужчина в засаленном плаще, он стоял за колонной и иногда из-за неё высовывался, посматривал на меня и снова прятался. Лицо у него было какое-то скользкое. Я подумала, что, наверное, это эксгибиционист, хотя и странно было встретить представителя этой братии рядом с Гостиным двором. Потом я заметила, что он что-то пишет в маленький блокнотик. Когда художники дорисовали два моих крайне неудачных портрета, он быстро подошёл ко мне, вырвал из своего блокнотика листочек и вложил мне в ладонь. Там было стихотворение. Целиком я его не помню, а конец был такой:

Вы так классически прекрасны,
Весенней свежести полны,
Ваш взгляд томительный и ясный,
Наверно, все в вас влюблены.

Поэт стоял и выжидательно смотрел на меня. «Спасибо большое», — сказала я. Поэт поклонился, отошёл и встал немного в отдалении, продолжая масляно и выжидательно смотреть на меня. Мама сказала, что, видимо, он этим промышляет и хочет награды. Мне не очень понравилось стихотворение, показалось каким-то банальным и старомодным, и я даже подумала, что мои стихи из толстой тетради дома, которые я никому не показываю, наверное, лучше. Но мне стало его очень жалко. «Что же, он целыми днями стоит за колонной и пишет стихи про тех, кого рисуют, а ему за это дают какую-то мелочь? Но ведь так нельзя делать — брать деньги за стихи!» — недоумевала я. Мама собралась уходить, но мне было так жалко поэта, что я стала очень просить у неё, чтобы она дала мне для него немного мелочи. Мама дала мне чуть-чуть, и я подбежала к нему и,

ещё раз поблагодарив, дала ему деньги. Он молча принял. «Несчастный поэт, — подумала я, — наверное, он никак не может зарабатывать себе на жизнь, поэтам ведь так тяжело живётся, вот и приходится ему писать плохие стихи в надежде получить за них пару копеек. Если я вырасту и стану поэтом — неужели и со мной так будет? Нет, такого не будет никогда! Даже если я буду нищей, я никогда не буду брать денег за стихи!»

НА КРЫШЕ

Однажды меня пытался изнасиловать уличный художник. Такое и раньше со мной случалось, но разве же к этому привыкнешь. Мне было семнадцать, и я была, как некоторые говорят в таких случаях, «сама виновата». В то время я много тусовалась на улице: в районе Гостиного двора — в подземном переходе, «Трубе», — и на Малой Садовой. И я заприметила одного художника, который обыкновенно стоял вместе с другими своими коллегами у Катькиного садика. Издалека он казался мне очень красивым, его

образ привлекал меня, и я решилась к нему подойти и завязать разговор. Немного поговорив, мы пошли с ним пить пиво на крышу — он сам предложил. Правда, меня смутило, что вблизи он оказался совсем не так прекрасен, как изда- лека. Во-первых, он был старше, чем я думала, во-вторых, вид имел изрядно потрёпанный и потасканный, и от него тарасило алкоголем. Тем не менее мы полезли с ним на крышу дома рядом с Казанским собором. С крыши был замечательный вид на сам Казанский собор и окрестные крыши. Наша же крыша была покатая, резко уходила вниз, и мы расположились на самом краю и принялись бухать. А надо сказать, что я боюсь высоты, и сидеть с пьяным незнакомым художником на краю крыши мне с самого начала было как-то не очень. Особенно же не очень мне стало, когда он принялся расстёгивать мне блузку и полез на меня. Я сказала ему, что не хочу, но он не воспринимал ничего вокруг и продолжал пытаться заняться со мной сексом. Я отбивалась, он угрожал сбросить меня с крыши. Начались какие-то долгие, мучительные диалоги, сопровождавшие всю эту возню, в ходе которых я пыталась объяснить ему, почему он